

Проза
великих

ЭЙНШТЕЙН И ЛАНДАУ ШУТЯТ

ЕВРЕЙСКИЕ ОСТРОТЫ
И АНЕКДОТЫ

Проза великих

**Эйнштейн и Ландау шутят.
Еврейские остроты и анекдоты**

«Алисторус»

2013

УДК 82-93
ББК 84.3

Эйнштейн и Ландау шутят. Еврейские остроты и анекдоты /
«Алисторус», 2013 — (Проза великих)

ISBN 978-5-4438-0459-0

На реплику Эйнштейна – «Вы станете великим человеком» – комик Чаплин ответил: «Вами я восхищаюсь еще больше. Вашей теории относительности никто в мире не понимает, и все-таки вы стали великим человеком». И если научные теории великих понятны далеко не всем, то юмор великих нам всем по душе. Физик Эйнштейн не только талантливо излагал свои теории, но и умел при случае пошутить. Таким же качеством обладал и его коллега, физик с мировым именем Ландау. Впрочем, как утверждают некоторые, юмор – самая что ни на есть характерная черта еврейского народа. В то время, как большинство народов шутит над собственными недостатками и слабостями, еврейский народ с помощью юмора умеет утвердить свое достоинство и свое превосходство перед другими. Книга содержит широкий материал еврейского юмора и острот, почерпнутый из жизненных ситуаций, литературных источников и фольклора. Самые разные люди – от Эйнштейна, Ландау и многих других ярких представителей еврейской интеллигенции – предстанут перед читателями в самых неожиданных ракурсах, вызывающих если не смех, то широкую улыбку.

УДК 82-93
ББК 84.3

ISBN 978-5-4438-0459-0

, 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

«Теперь вы видите, что ничего не видно», или Учение – свет, а неученье – смех!	6
Эйнштейн шутит...	6
Ландау и шутит, и любит...	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эйнштейн и Ландау шутят. Еврейские остроты и анекдоты

Составитель С. Гринберг

**«Теперь вы видите, что ничего не видно»,
или Учение – свет, а неученье – смех!**

Эйнштейн шутит...

Альберт Эйнштейн (14 марта 1879, Ульм, Вюртемберг, Германия – 18 апреля 1955, Принстон, Нью-Джерси, США) – физик-теоретик, один из основателей современной теоретической физики, лауреат Нобелевской премии по физике 1921 года. Жил в Германии (1879–1893, 1914–1933), Швейцарии (1893–1914) и США (1933–1955). доктор около 20 ведущих университетов мира, член многих Академий наук, в том числе иностранный почетный член АН СССР (1926).

О великом ученом-физике Альберте Эйнштейне сложено множество мифов. И мало кто знает, что он был совершенно нерадивым учеником. Согласно В. И. Бояринцеву, доктору физико-математических наук, издавшему книгу «Русские и еврейские ученые, мифы и реальность», мы узнаем подробную неакадемическую биографию Эйнштейна. Из которой следует, что в детстве Эйнштейн долго учился говорить, а в семилетнем возрасте мог повторять лишь короткие фразы. В девять лет Эйнштейн поступил в гимназию, справлялся со школьной программой на уровне середняка. Преподаватели с трудом терпели медлительность, когда мальчик вынужден был отвечать у доски.

Закончить гимназию будущему гению не удалось. Сначала подростку Эйнштейну выдали справку от психиатра о необходимости полугодового отпуска. Ну а затем, за год до окончания учебы, учителя зачитали родителям Эйнштейна приказ об отчислении их сына. Но Альберт все же окончил другую гимназию, куда его в спешном порядке перевели родные.

И уже осенью 1900 года, со второй попытки, Эйнштейн сдал экзамены в цюрихский политехникум. Утверждают, что лекции таких известных математиков, как Адольф Гурвиц и Герман Минковский, его не интересовали, Эйнштейна попросту не видели на занятиях. Да и экзамены будущий гений сдавал с помощью своего приятеля Гроссмана.

После окончания политехникума А. Эйнштейн два года нигде не работает. Правда, он делает попытку давать частные уроки, однако желающих слушать его не находится.

Тем не менее, все эти нюансы не помешали ему заняться наукой. Среди интересных фактов жизни этого ученого есть и такие.

В 1902 году Эйнштейн переселился в немецкий Берн, где начал работать в патентном бюро (техническим экспертом третьего класса). Здесь он получал массу свежей информации в области науки, так что мог спокойно пользоваться знаниями других ученых.

Интересная деталь: не осталось никаких черновиков первых научных работ Эйнштейна.

Докторская диссертация Эйнштейна «Новое определение размера молекул», посвященная броуновскому (беспорядочному) движению, была признана ошибочной.

Официальные биографы ученого свидетельствуют, что к началу 1950-х годов ученый освоил английский язык. И не упоминают, что к тому времени Эйнштейн прожил в англоязычной стране США уже... 17 лет. А вот Леопольд Инфельд, говоря об ученом, вспоминал:

«Он обходился, вероятно, 300 словами, которые произносил довольно своеобразно. Как он сам признался мне впоследствии, он этого языка, собственно, никогда так и не изучил».

Роль первой жены Эйнштейна, сербки Милевы Марич, полностью замалчивается. Милева была сильным физиком и ее роль в создании специальной и общей теории относительности достаточно ощутима. Три самые важные статьи Эйнштейна 1905 года были подписаны «Эйнштейн – Марич». Известно, однако, что Эйнштейн хвастался своим друзьям: «Математическую часть работы делает за меня жена» (впоследствии это же стали делать помощники Эйнштейна).

Второй женой физика стала его двоюродная сестра Эльза, на которой он женился весной 1919 года. Детей у них не было.

Известно также, что Эйнштейн называл себя «цыганом и бродягой» и не придавал никакого значения своему внешнему виду. Он шутил: «Чем грязнее нация, тем она выносливее». Им же сказаны слова: «Принадлежность к еврейской нации есть дар божий» (из книги Г. Себова «Финал катастрофы»). Любопытно, что все биографы Эйнштейна отмечают неряшливость и неопрятность этого гения.

Все знают снимок, на котором Эйнштейн снят с высунутым языком. Он постоянно появляется на обложках журналов, в учебниках и в Интернете. Так что мы и впредь будем удивляться чудачеству гения. Некоторые готовы утверждать: суть этого забавного снимка в том, что Эйнштейн показывает свой язык всему человечеству, включая научный мир, и выставляя всех глупцами.

А может быть, в душе он просто был великим шутником?! Вот ведь и Ромен Роллан говорил о физике: «Очень жизнерадостен и не может удержаться от того, чтобы не придать остроумную форму самым серьезным мыслям».

Однажды на лекции Эйнштейна спросили, как делаются великие открытия. Он ненадолго задумался и ответил:

– Очень просто. Все знают, что это сделать невозможно. Случайно находится один невежда, который этого не знает. Он-то и делает открытие, – забавно ответил ученый.

– Слава делает меня все глупее и глупее, что, впрочем, вполне обычно. Существует громадный разрыв между тем, что человек собою представляет, и тем, что другие думают о нем или, по крайней мере, говорят вслух. Но все это нужно принимать беззлобно.

Маленький сын однажды спросил Эйнштейна:

– Почему ты так знаменит, папа?

– Видишь ли, – ответил он, – когда слепой жук ползет по поверхности шара, он не замечает, что пройденный им путь изогнут. Я же, напротив, имел счастье это заметить.

Как-то после доклада на научной конференции Эйнштейна спросили:

– Какой момент для вас сегодня самый трудный?

– Самая большая трудность заключалась в том, – ответил Эйнштейн, – чтобы разбудить аудиторию, которая заснула при вступительной речи председателя.

Эйнштейн встретил на улице нового приятеля и пригласил его к себе домой:

– Приходите ко мне вечером. У меня будет профессор Стимсон.

– Но ведь я и есть Стимсон! – удивился тот.

– Это не имеет никакого значения, – возразил рассеянный Эйнштейн, – все равно приходите.

Однажды Эйнштейн был у знакомых в гостях. Когда он собрался уходить, начался дождь, и ему предложили шляпу.

– Зачем? – сказал Эйнштейн. – Ведь она сохнет дольше, чем волосы. Это же все знают.

Некая молодая дама настойчиво просила Эйнштейна позвонить ей по телефону.

– Мой телефон легко запомнить, – убеждала она. – 36-361-144. Запомнили? Повторите.

– Запомнил, – ответил Эйнштейн. – Три дюжины, 19 и 12 в квадрате...

На одном из приемов к Эйнштейну пристала одна молодая дама и предложила вступить с ним в интимные отношения, чтобы завести общих детей. Она убеждала:

– Вы представляете, дорогой, что наши дети будут так же умны, как вы, и так же красивы, как я!

Эйнштейн отстранился от навязчивой дамы и сказал:

– Это, конечно, прекрасно! А... вдруг получится наоборот?

На одном вечере встретились Эйнштейн и композитор Ганс Эйслер. Хозяйка попросила их сыграть что-нибудь вместе. Композитор сел за рояль, а Эйнштейн стал настраивать скрипку. Несколько раз композитор начинал вступление, но Эйнштейн никак не мог попасть в такт. Эйслер не выдержал, закрыл крышку рояля и сказал в сердцах:

– Не понимаю, как это весь мир может называть великим человека, который не умеет считать до трех!

Однажды Альберт Эйнштейн и виолончелист Григорий Пятигорский вместе выступали в благотворительном концерте. Среди публики сидел молодой журналист, которому предстояло написать отчет о концерте. Он обратился с вопросом к одной из слушательниц:

– Простите, Пятигорского мы все знаем, ну, а этот Эйнштейн, который выступает сегодня...

– Боже мой, да неужели вы не знаете, это же великий Эйнштейн!

– Да, конечно, благодарю, – смутился журналист и принялся что-то строчить в блокноте.

На следующий день в газете появился отчет о выступлении Пятигорского вместе с Эйнштейном – «великим музыкантом, несравненным скрипачом-виртуозом, который своей блистательной игрой затмил самого Пятигорского». Рецензия всех очень рассмешила, и особенно самого Эйнштейна. Он вырезал заметку и постоянно носил ее с собой, показывал знакомым и говорил:

– Вы думаете, что я ученый? Нет, я знаменитый скрипач!

Эйнштейн любил фильмы Чаплина и относился к его героям на экране с видимой симпатией. Однажды ученый написал в письме Чаплину: «Ваш фильм “Золотая лихорадка” понятен всем в мире, и Вы станете великим человеком».

На что Чарли Чаплин ответил: «Вами я восхищаюсь еще больше. Вашей теории относительности никто в мире не понимает, и все-таки Вы уже стали великим человеком».

Однажды Эйнштейн, послушав, как бельгийская королева играет на скрипке, сказал ей:

– Вы прекрасно играете, ваше величество. Вам совершенно не нужна профессия королевы.

Летом 1909 года в честь своего 350-летия Женевский университет, основанный еще Кальвином, присудил более ста почетных докторских степеней. Одна из них была предназначена служащему Швейцарского патентного бюро в Берне Альберту Эйнштейну.

Когда Эйнштейн получил большой конверт, в который был вложен лист прекрасной бумаги, заполненный колоритным текстом на незнакомом ему языке (он подумал, что это латынь, хотя на самом деле то был французский), то сразу же отправил письмо в мусорную корзину. Позже он узнал, что это было приглашение на кальвиновские торжества и извещение о присуждении степени почетного доктора Женевского университета.

Так как Эйнштейн не ответил на приглашение, то власти университета обратились к другу Эйнштейна Люсьену Шавану, который рассказал Эйнштейну, в чем дело и посоветовал тому приехать в Женеву. Эйнштейн прибыл в Женеву в соломенной шляпе и повседневном пиджаке, в которых и участвовал в торжественном академическом мероприятии среди аккуратных и нарядных гостей.

Вот что говорит сам Эйнштейн об этом событии: «Празднование закончилось самым обильным пиршеством из всех, на которых мне доводилось бывать. Я спросил одного из женевских “отцов города”, с которым сидел рядом:

– Знаете ли вы, что сделал бы Кальвин, будь он здесь?

Сосед полюбопытствовал: что же именно? Тогда я ответил:

– Он устроил бы пожар и сжег нас всех за грех обжорства.

Мой собеседник не издал ни звука, и на этом обрываются мои воспоминания о достойном праздновании».

Как-то Эдисон пожаловался Эйнштейну, что никак не может найти себе толкового помощника.

– Каждый день, – говорил он, – ко мне приходят в лабораторию молодые люди, но ни один из них мне не подходит.

– Как же вы определяете их профпригодность? – поинтересовался Эйнштейн.

– Они должны ответить на несколько вопросов, – ответил Эдисон и показал Эйнштейну лист с множеством подготовленных вопросов.

«Сколько миль от Нью-Йорка до Чикаго?» – прочитал Эйнштейн.

– Ну, это можно посмотреть в каком-нибудь справочнике, – сказал Эйнштейн.

«Из чего делают нержавеющую сталь?» – был второй вопрос.

Пробежав глазами и все остальные вопросы, Эйнштейн сказал Эдисону:

– Свою кандидатуру я снял бы сам.

В 1943 году одна школьница из Вашингтона жаловалась Эйнштейну, что ей с трудом дается математика и приходится заниматься намного больше других учеников, чтобы не отстать от товарищей. На что Эйнштейн ответил ей:

– Не огорчайтесь своими трудностями с математикой, поверьте, мои трудности еще больше, чем ваши.

Однажды Альберта Эйнштейна спросили, в чем он видит основное различие между собственным интеллектом и интеллектом других людей. Он задумался, а затем ответил:

– Если люди ищут иголку в стоге сена, то большинство из них останавливаются, как только найдут ее. Но я продолжаю поиски, обнаруживая вторую, третью и, возможно, если мне очень повезет, даже четвертую и пятую иголки.

Эйнштейн писал: «Работать – значит думать. Поэтому точно учесть рабочий день не всегда легко. Обычно я работаю от 4 до 6 часов в день. Я не слишком прилежен». Когда его спросили, какая у него картотека, он показал на лоб. Другой раз поинтересовались лабораторией – он достал авторучку.

Однажды Эйнштейн шел по коридору Принстона, а навстречу ему – молодой и среднего ума физик. Поравнявшись с Эйнштейном, он фамильярно хлопнул того по плечу и спросил:

– Ну как дела, коллега?

– Коллега? – переспросил Эйнштейн. – Неужели вы тоже больны ревматизмом?

Однажды к Эйнштейну пришел журналист.

– Куда вы записываете свои мысли? – спросил он. – У вас есть для этого блокнот или записная книжка?

Эйнштейн ответил:

– Милый мой! Настоящие мысли приходят в голову так редко, что их нетрудно и запомнить.

Кстати, Эйнштейн был известен тем, что иногда делал записи на всем, что попадалось под руку (чтобы не упустить мысль). Как-то его супругу пригласили на открытие нового астрономического телескопа. После открытия ей устроили небольшую экскурсию. Гид, который проводил ее, указывая на телескоп, сказал:

– С помощью этого прибора мы открываем тайны Вселенной!

На что супруга Эйнштейна ответила:

– Странно, а моему мужу для этого достаточно огрызка карандаша и коробка из-под спичек.

Одна журналистка спросила Эйнштейна:

– Какая разница между временем и вечностью?

– Если бы у меня было время, чтобы объяснить вам эту разницу, – сказал Эйнштейн, – то прошла бы вечность, прежде чем вы ее поняли бы.

Как-то Эйнштейн писал своей сестре Майе: «Мне приходится много работать, но все же не чересчур много. Время от времени удается выкроить часок и побездельничать в живописных окрестностях Цюриха... Если бы все жили, как я, не было бы приключенческих романов...»

Однажды в Берлине, зайдя в трамвай, Эйнштейн по привычке достал книгу и углубился в чтение. Затем, не глядя на кондуктора, вынул из кармана заранее отсчитанные на билет деньги.

– Здесь не хватает, – сказал кондуктор.

– Не может быть, – ответил ученый, не отрываясь от чтения – Я вам гарантирую: там хватает.

На что кондуктор вновь запротестовал.

Но Эйнштейн еще раз покачал головой, мол, такого не может быть.

Кондуктор возмутился:

– Тогда считайте, вот – 15 пфеннигов. Тут не хватает еще пяти.

Эйнштейн пошарил рукой в кармане и действительно нашел нужную монету. Ему стало неловко, а кондуктор сказал:

– Ничего-ничего, дедушка, просто вам нужно выучить арифметику.

Как-то корреспонденты спросили Эйнштейна:

– Как это может быть, чтобы время текло с разной скоростью?

– Если вы держите у себя на коленях очаровательную девушку, то вам даже час покажется минутой. Если же вас посадить на горячую плиту, то и одна минута покажется вам целым часом. В этом суть теории относительности, – спокойно ответил ученый.

Как-то Эйнштейн получил попугая в подарок на день рождения от медицинского института. Когда ему казалось, что у попугая депрессия, он пытался развеселить его, рассказывая птице неприличные анекдоты. Попугай совсем оправился, но «наградил» ученого тем, что подхватил инфекцию, которую передал ему.

Помощница ученого Фантова, которая провела последние годы рядом с Эйнштейном, как-то рассказывала, что Эйнштейну не нравился кандидат в президенты от демократов Эдлай Стивенсон, он защищал атомщика Роберта Оппенгеймера, отца американской атомной бомбы, от нападок со стороны сенатора Джозефа Маккарти.

– Оппенгеймер не цыган вроде меня, – говорил Эйнштейн. – Я родился со слоновьей шкурой, меня никто не может обидеть.

Как-то Эйнштейн был в гостях у супругов Кюри, и сидя в гостинной, заметил, что на соседние с ним кресла никто не садится. Тогда он обратился к хозяину, физику Жолио-Кюри:

– Сядь около меня, Фредерик! А то мне кажется, что я присутствую на заседании Прусской академии наук.

Один журналист спросил супругу Эйнштейна, что же она думает о своем муже.

– Мой муж гений! – пафосно сказала госпожа Эйнштейн. И добавила со вздохом: – Он умеет делать абсолютно все, кроме денег.

Жену Эйнштейна спросили, понимает ли она теорию относительности, созданную ее мужем.

– Нет, не понимаю. Но достаточно того, что я понимаю самого Эйнштейна, – ответила женщина.

Помощница ученого Фантова пыталась обнародовать дневник, который вела в последние годы жизни Эйнштейна. Оказалось, что значительная часть дневника посвящена жалобам Эйнштейна на свою старость. Но в нем также обнаруживаются несколько стихотворений, полных непристойностей, и еще более неприличные каламбуры. Это физик писал их для Фантовой, когда они были в разлуке.

В конце 1936 года Бернское научное общество прислало Эйнштейну почетный диплом. Когда физик получил документ, он воскликнул:

– Его я непременно вставлю в рамку и повешу на стене – ведь они долго насмехались надо мной и моими идеями.

В Берн из Принстона он отправил письмо 4 января 1937 года с такими словами:

«Вы не можете себе представить, как я обрадован тем, что Бернское научное общество хранит обо мне добрую память. Это было послание из моей давно минувшей молодости. Вспомнились содержательные и уютные вечерние заседания и особенно профессор-терапевт Сали с его восхитительными комментариями к лекциям. Я сразу же вставил диплом в рамку, и это единственный из символов признания, который висит в моем кабинете, напоминая о Берне и старых друзьях.

Прошу передать свою сердечную благодарность членам Общества и рассказать им, как высоко я ценю их доброту».

Эйнштейн получал множество различных дипломов, но он не вставлял их в рамки и не вешал на стену, а складывал их в дальний угол, который называл «уголком тщеславия».

Хаим Вейцман, первый президент Израиля, сказал:

– Эйнштейн объяснял мне свою теорию каждый день, и вскоре я уже был совершенно уверен, что он ее понял.

Афоризмы от ученого

Для тех, кто не понимал теорию относительности Эйнштейна, ученый объяснял ее так: «Это когда Цюрих остановится у этого поезда».

Никаким количеством экспериментов нельзя доказать теорию; но достаточно одного эксперимента, чтобы ее опровергнуть.

Математика – наиболее совершенный способ водить самого себя за нос.

С тех пор, как за теорию относительности принялись математики, я ее уже сам больше не понимаю.

В физике часто случалось, что существенный успех был достигнут проведением последовательной аналогии между несвязанными по виду явлениями.

Если теория относительности подтвердится, то немцы скажут, что я немец, а французы – что я гражданин мира; но если мою теорию опровергнут, французы объявят меня немцем, а немцы – евреем.

Есть только два способа прожить жизнь. Первый – считать, будто чудес не существует. Второй – будто кругом одни чудеса.

Есть только две бесконечные вещи: Вселенная и глупость. Хотя насчет Вселенной я не вполне уверен.

В юности я обнаружил, что большой палец ноги рано или поздно проделывает дырку в носке. Поэтому я перестал надевать носки.

Человек начинает жить лишь тогда, когда ему удастся превзойти самого себя.

Жизнь отдельного человека имеет смысл лишь в той степени, насколько она помогает сделать жизни других людей красивее и благороднее. Жизнь священна; это, так сказать, верховная ценность, которой подчинены все прочие ценности.

Невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы, поднявшись на следующий уровень.

Морскую болезнь вызывают у меня люди, а не море. Но, боюсь, наука еще не нашла лекарства от этого недуга.

Человек – это часть целого, которое мы называем Вселенной, часть, ограниченная во Времени и в Пространстве.

Каждый человек обязан вернуть миру хотя бы столько, сколько он из него взял.

Мир невозможно удержать силой. Его можно лишь достичь пониманием.

Настоящий прогресс человечества зависит не столько от изобретательного ума, сколько от сознательности.

Если кто-либо с удовольствием марширует в строю под музыку, то за одно это я его презираю; головной мозг дан ему по ошибке, ибо он вполне мог бы обходиться спинным

К величию есть только один путь, и этот путь проходит через страдания.

Нравственность – основа всех человеческих ценностей.

Самое время заменить идеал успеха идеалом служения.

Человек может найти смысл в жизни, только посвятив себя обществу.

Целью школы всегда должно быть воспитание гармоничной личности, а не специалиста.

Достойна только та жизнь, которая прожита ради других людей.

Истинная ценность человека определяется тем, насколько он освободился от эгоизма и какими средствами он этого добился.

Стремись не к тому, чтобы добиться успеха, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл.

Я не знаю, каким оружием будут сражаться в третьей мировой войне, но в четвертой мировой войне будут сражаться палками и камнями.

Процесс научных открытий – это, в сущности, непрерывное бегство от чудес.

Единственное, чему научила меня моя долгая жизнь: что вся наша наука перед лицом реальности выглядит примитивно и по-детски наивно – и все же это самое ценное, что у нас есть.

Если вы хотите вести счастливую жизнь, вы должны быть привязаны к цели, а не к людям или к вещам.

Здравый смысл – это сумма предубеждений, приобретенных до восемнадцатилетнего возраста.

...Это очень просто, мои дорогие: потому что политика гораздо сложнее, чем физика!

Международные законы по-настоящему существуют только в сборниках международных законов.

Непросто сказать, в чем заключается истина, но ложь очень часто легко распознать.

Тот, кто хочет видеть результаты своего труда немедленно, должен идти в сапожники.

Ты никогда не решишь проблему, если будешь думать так же, как те, кто ее создал.

Ученый – все равно что мимоза, когда замечает свою ошибку, и рычащий лев – когда обнаруживает ошибку чужую.

Я научился смотреть на смерть как на старый долг, который рано или поздно надо заплатить.

Брак – это попытка создать нечто прочное и долговременное из случайного эпизода.

Я пережил две войны, двух жен и Гитлера.

Я хочу быть кремированным, чтобы люди не приходили поклоняться моим костям.

Чем больше моя слава, тем я больше тупею; и таково, несомненно, общее правило.

Наши математические затруднения Бога не беспокоят. Он интегрирует эмпирически.

Существует поразительная возможность овладеть предметом математически, не поняв существа дела.

Не стоит обожествлять интеллект. У него есть могучие мускулы, но нет лица.

Все идеи в науке родились в драматическом конфликте между реальностью и нашими попытками ее понять.

Господь Бог не играет в кости.

Господь Бог изощрен, но не злонамерен.

Все знают, что это невозможно. Но вот приходит невежда, которому это неизвестно – он-то и делает настоящее открытие.

Законы математики, имеющие какое-либо отношение к реальному миру, ненадежны; а надежные математические законы не имеют отношения к реальному миру.

Стремление к личному благополучию достойно свиньи. Можно ли представить себе Моисея, Иисуса или Магомета, занятых увеличением текущего счета в банке?

Самое непостижимое в мире – то, что он постижим.

Если не грешить против разума, нельзя вообще ни к чему прийти.

Все должно быть изложено так просто, как только возможно, но не проще.

Действительность – это иллюзия, хотя и очень стойкая.

Что может знать рыба о воде, в которой плавает всю жизнь?

В поезде ехал Эйнштейн. Глядя на него, один еврей спрашивает другого:
– Абрам, кто этот еврей с усами?

– Как, разве ты не узнаешь? Это таки знаменитый ученый Эйнштейн! Он едет сейчас в Токио.

– А чем он знаменит?

– Он придумал теорию относительности.

– А что это такое?

– Как бы тебе это понятнее объяснить? Вот скажи, если у тебя три волоса на голове, это много или мало?

– Конечно, мало.

– А если у тебя три волоса в супе, это много или мало?

– Очень много.

– Вот это и есть теория относительности!

– И что, он с этой хохмой едет-таки в Токио?!

Два еврея обсуждают теорию Эйнштейна.

– Одного не могу понять, – сокрушается Рабинович. – Как две одинаковые вещи могут быть одновременно разными?

– Сейчас я тебе объясню, – говорит Шломан. – Из Бобруйска в Бердичев ты едешь пять часов. Из Бердичева в Бобруйск тоже. Понял? А вот другой пример: от праздника Пурим до Пасхи проходит один месяц, а от Пасхи до Пурима – одиннадцать месяцев.

Ландау и шутит, и любит...

Лев Давидович Ландау (9 (22) января 1908, Баку – 1 апреля 1968, Москва) – советский физик-теоретик, основатель научной школы, академик АН СССР (избран в 1946). Лауреат Нобелевской премии по физике 1962 года. Лауреат трех Сталинских (Государственных) премий (1946, 1949, 1953), Ленинской премии (1962), Герой Социалистического Труда (1954). Иностраннный член Лондонского королевского общества (1960), Национальной академии наук США (1960), Датской королевской академии наук (1951), Королевской академии наук Нидерландов (1956), Американской академии искусств и наук (1960), Французского физического общества и Лондонского физического общества.

С 1916 года Ландау учился в бакинской Еврейской гимназии, где его мать была преподавателем естествознания. Одаренный математически, Ландау, шутя говорил о себе: «Интегрировать научился лет в 13, а дифференцировать умел всегда». О его нелюбви к учебе писала и супруга Ландау в своей книге воспоминаний. Вот цитата: «Сам Дау в последнем классе школы написал сочинение на тему «Образ Татьяны в поэме Пушкина „Евгений Онегин“»: „Татьяна Ларина была очень скучная особа“. В сочинении только шесть слов, получил, конечно, единицу, однако это не помешало ему как физику!»

В 1929 году Ландау был в научной командировке для продолжения образования в Германии, в Дании у Нильса Бора, в Англии и Швейцарии. Там он встретился с А. Эйнштейном, работал вместе с ведущими физиками-теоретиками, в числе которых был Нильс Бор, которого с тех пор считал своим единственным учителем.

Коллеги-физики часто именовали его просто Дау.

В детстве, увлекшись наукой, Ландау дал обет никогда «не курить, не пить и не жениться». Также он считал, что брак – это кооператив, ничего общего не имеющий с любовью. Но ему повезло – он встретил выпускницу химического факультета Конкордию (Кору) Дробанцеву, которая разошлась со своим первым мужем. Женщина поклялась, что не будет ревновать его к другим, и с 1934 года они жили вместе в браке. Ландау считал, что более всего брак разрушают ложь и ревность, и поэтому они заключили «пакт о ненападении в супружеской жизни» (по задумке Дау), который давал свободу супругам в романах на стороне. Официальный брак был между ними 5 июля 1946 года, за несколько дней до рождения сына Игоря¹ (Гарика).

Единственной не физической теорией Ландау была теория счастья. Он считал, что каждый человек должен и даже обязан быть счастливым. Для этого он вывел простую формулу, которая содержала три параметра: работа, любовь и общение с людьми.

Помимо многочисленных научных трудов, Ландау известен и своими шутками. Его вклад в «научный юмор» велик. Однако его шутки не обязательно связаны с физикой и математикой. Обладая острым умом и красноречием, Ландау всячески поощрял юмор в коллегах. Он и сам стал героем разных юмористических историй.

У Ландау была своя классификация наук и ... женщин. По Ландау, науки бывают естественные, неестественные и противоестественные. По Ландау, девушки делятся на красивых, хорошеньких и интересных. У хорошеньких – нос слегка вздернут, у красивых – прямой, у интересных носы «ужасно большие».

¹ Игорь Львович Ландау (родился в июле 1946 г.), доктор физико-математических наук, скончался от рака мозга в мае 2011 г. в Швейцарии. – *Примеч. ред.*

Как-то жена Ландау сказала, что ему вот-вот стукнет 54 года, а он все продолжает бегать и искать новых красивых молодых девушек. Не пора ли тебе уже уюмониться? – спросила жена. На что тот ответил:

– Что ты говоришь! Я чувствую расцвет и в творчестве, и в жизни. А ведь когда я только входил в науку, Иоффе был примерно в моем возрасте, и я тогда считал его стариком. Сейчас я знаю – это возраст расцвета! Великий из великих – Эйнштейн – очень рано скис. Наверное, от скуки. Вероятно, он никогда не бегал за девушками.

В одном из писем Ландау писал: «В Копенгагене я жил на средства международной рокфеллеровской стипендии, а в Лондоне я был в командировке. Я не имел права тратить рабоче-крестьянские деньги нашего государства на шоколад. Я даже не разрешал себе ходить в кино... Не только англичане, но и американцы очень старались соблазнить роскошными условиями жизни. К роскоши я совершенно равнодушен. Я им ответил так: “Работать на акул капитала? Никогда!” На Западе ученому работать нелегко. Его труд оплачивают в основном попечители. В этом есть некая унижительность».

«Дау занимался только дома. От личного кабинета в институте он отказался: “Заседать я не умею, а лежать там негде”. Семинары он проводил в конференц-зале. О науке разговаривал с физиками, студентами и посетителями дома, в фойе института или прохаживаясь по длинным институтским коридорам, а в теплые времена года – прохаживаясь по территории института.

– Коруш, я пошел в институт почесать язык.

Это значило, что его кто-то ждет, он будет разговаривать о науке или будет кого-нибудь консультировать. Занимался же настоящей наукой он только в одиночестве, лежа на тахте, окруженный подушками». (Из книги К. Ландау-Дробанцевой «Академик Ландау. Как мы жили»².)

Как-то Кора, которая еще не была замужем за Львом Давидовичем, спросила у него:

– Дау, ты питаешься в ресторанах?

– Нет, я на полном пансионе у Олечки Шубниковой. Есть такой замечательный физик-экспериментатор Лев Шубников, а Олечка его жена, – прозвучало в ответ.

Даже в тюрьме³, куда на некоторое время в 1938 году Ландау попал по доносу, физик не унывал. «Во-первых, я не боялся там, что меня могут арестовать! Во-вторых, я мог ругать Сталина вслух. Я занимался наукой и сделал несколько работ».

Как-то Ландау был приглашен в МГУ на заседание кафедры физиков, но перепутал аудитории и зашел на заседание к физикам-метеорологам. Метеорологи собрались заслушать научное открытие своего коллеги, пригласив и журналистов. У доски докладчик вдохновенно читал

² Борис Горобец, автор книг о том, как шутят физики, писал: «Появление книги Кору, которую издал Игорь Ландау, было шоком для едва ли не всех физиков, знавших Л.Д. Ландау. В особенности резко публично отозвались об этой книге академики В.Л. Гинзбург и Е.Л. Фейнберг». Сын Ландау по этому поводу писал так: «Многие ругают эту книгу за “излишние” интимные подробности, но моя мать имеет право писать о своей жизни так, как она считает нужным. Что у кого-то может измениться мнение о “великом” Ландау, мне, извините, наплевать. Для меня он не великий физик». По мотивам книги Конкордии Ландау был снят телефильм «Мой муж – гений»; показан 14 февраля 2008 г. по каналу ОРТ. – *Примеч. ред.*

³ В 1938 году Ландау арестовали за то, что он видел листовку, написанную его университетским товарищем, тоже физиком, призывающую к свержению сталинского режима. Через год отсидки на Лубянке он готов был согласиться с тем, что он немецкий шпион. Ландау спас П. Капица, директор Института физических проблем, поручившийся за него перед НКВД в лице Молотова, Вышинского и Берии. После выхода из тюрьмы Ландау в течение целого года восстанавливался в академическом санатории на юге СССР. – *Примеч. ред.*

свой доклад, и едва только он закончил мысль, как к доске подлетел Ландау. Он обратился к докладчику:

– Вы меня, пожалуйста, извините. Я попал к вам случайно, перепутав аудитории, но мимо такой математической ошибки я пройти не могу. Если эту задачу решить правильно, то вы сами увидите – весь эффект работы сводится к нулю, работы нет, есть только математические ошибки.

В аудитории стояла гробовая тишина, а мел в руках Ландау мелькал по доске, подчеркивая ошибки. Присутствующие были поражены, а у докладчика просто отвисла челюсть. Наконец Ландау, извинившись, ушел.

Когда все опомнились, раздался крик: «Кто его сюда пустил?!»

Вот таким рассеянным был Ландау...

И еще о рассеянности.

Как-то вечером молодой Ландау пришел в гости к Коре. Шторы были закрыты, и она не знала, что на улице идет дождь. Открыв дверь и увидев мокрого поклонника, женщина воскликнула:

– Дау, там идет сильный дождь?

– Нет, дождя нет, погода прекрасная! – сказал он, снимая шляпу, с полей которой заструилась на пол вода. С удивлением посмотрев на лужу, он сказал:

– Да, вероятно, идет дождь.

– Даунька, Гарик уже школьник, – упрекала мужа Кора. – А ты играешь с ним только как с котенком. Ну хоть бы раз поинтересовался его способностями, позанимался бы с ним. Вот Яша Зельдович, Вовка и Мигдал так натаскивают своих сыновей перед школой по математике, что они в школе идут «киндер-вудами».

– Коруша, я не понимаю: кто у нас в семье еврей: я или ты? Воспитывать и натаскивать детей с детства глупо.

Ландау после автомобильной аварии попал в больницу. Его супруга, вспоминая то время, писала в своей книге «Академик Ландау. Как мы жили»:

«Наступило 12 января. С большим усилием встаю готовить завтрак Гарику. Холодильник оказался пуст, все продукты кончились.

– Гарик, сегодня на завтрак только чай, варенье, сухари. На обед то же самое. В школу не ходи, пока я не раздобуду денег.

Позже зашла Валя Щорс, жена Халатникова:

– Кора, почему вы не приходите в больницу?

– Валя, я была, но меня не допустили к Дау, вероятно, жалеючи, но очень грубо. Просто выбросили вон из больницы.

– Кора, я не понимаю вас. Да знаете ли вы, что там с этой Зинаидой Горобец, штатной любовницей Лившица, все время находится одна из девиц Дау, какая-то Ирина Рыбникова? Ее Лившиц всем врачам представляет как жену Ландау, говорит, что с Корой он не успел развестись. Вы вообще страшно распустили своего Дау! На вашем месте я бы немедленно вышвырнула вон эту девицу. (Так вот почему физики меня не пустили к Дау!) Кора, вы должны взять себя в руки, вставайте, одевайтесь и сейчас же со мной поедете в больницу. Там надо навести порядок! Эту Горобец тоже надо вышвырнуть вон из больницы. Попробовал бы кто-нибудь привести девицу к моему Исааку!

– Милая Валя, Дау – не Исаак. Если там Женька с девицами, то мне места нет. Когда Даунька придет в сознание, он сам меня позовет. Тогда порядок восстановится сам собою.

Мне никому не нужно доказывать, что я жена Ландау. Валечка, скажите, ведь вы врач, есть ли надежда, будет ли он жить?

– Кора, в своем ли вы уме? Так вы не поедете выгонять эту девицу?

– Нет, Валя, я не имею права ее выгнать. Только скажите, есть ли надежда на жизнь?

Будет Дау жить?

– Надежды нет никакой. Но, Кора, очень нужны деньги. Лившицы очень нецелесообразно тратят ваши деньги, они устраивают несколько раз в сутки банкеты для консилиума и физиков. Все едят зернистую икру ложками. Но ведь там еще очень многие дежурят: шоферы, медсестры и разные добровольные дежурные. Все голодны. У больницы нет на это средств. Я решила, что необходимо организовать бутерброды для всех. Денег на это надо немало».

Кора всегда пафосно писала о своем супруге. Вот один из ее перлов: «Машина легендарной, железной логики, как и счетно-вычислительная машина, была самой природой запрограммирована в клетках мозга физика Ландау».

Как-то Ландау стоял в небольшой очереди в институтской столовой. В какой-то момент по очереди пронеслось: «Привезли баранину!». У физика сразу возник вопрос:

– А баранина – это мясо?

«Разрешить этот вопрос он не мог, здесь его мозг был бессилён», – уточнила для потомков его жена.

Аспирант дал Ландау его книгу и попросил: «Лев Давыдович, подарите мне вашу книгу с остроумной надписью».

Ландау надписал: «АСПИРАНТУ ТАКОМУ-ТО С ОСТРОУМНОЙ НАДПИСЬЮ».

Как известно, на кабинете Ландау, который был назначен завкафедрой общей физики Харьковского государственного университета, под его инициалами и фамилией красовалась жирная приписка: «Осторожно, кусается!»

Однажды на семинаре по квантовой физике у доски стоял Дирак⁴ и читал лекцию на английском языке. Ландау считал, что Дирак не понимает по-русски и время от времени в спину Дираку говорил: «Дирак-дурак, Дирак-дурак».

Дирак оборачивался, но Ландау замолкал. А когда отворачивался, Ландау снова повторял: «Дирак-дурак, Дирак-дурак».

Наконец ученому Дираку это надоело, он подошел к Ландау вплотную и сказал на чистом русском:

«Сам дурак. Сам дурак». (Из книги воспоминаний М. Бессараб «Ландау»)

У Ландау был близкий друг Лифшиц. Однажды своей супруге ученый написал: «Решил остановиться у Женьки. Его мама приготовила мне комнату. Ночью я вскочил, включил свет – о ужас! – вся простыня усыпана огромными длинными клопами».

Жена Ландау вспоминала: «Вместе с Женькой Лифшицем и его Лелей мы прожили около года. Женька съездил в Харьков, привез кое-что из своей харьковской мебели. Дау ему говорил: купи здесь новую. Он отвечал: “Дау, ты в этом ничего не понимаешь. Новая мебель плохая и дорогая, а перевести из Харькова стоит гроши. Я не люблю тратить зря деньги”. Когда харьковская мебель пришла, через некоторое время испуганный вопль Дау разбудил меня ночью.

⁴ Дирак Поль Адриен Морис (1902–1984) – английский физик, один из создателей квантовой механики, иностранный член-корреспондент АН СССР (1931). – Примеч. ред.

“Коруша, смотри, это та самая порода лившицких клопов. Как они жалют! И убежать теперь от них невозможно!” Еле дождавшись утра, Дау побежал в институт, пришли рабочие, вынесли Женьку с заклопленными вещами».

Кора, которая не любила Лифшица, как-то сказала своему мужу:

– Даунька, к манерам твоего друга привыкнуть трудно.

– Почему?

– Твой Женька без конца гладит то место в брюках, где застежка.

– Наверное, проверяет, застегнул ли он все пуговицы.

– Это можно сделать без многочисленных свидетелей. А еще он за столом все куски перетрагивает руками, прежде чем выбрать себе один.

Во время войны Лифшиц вообще перестал мыть посуду после еды и тщательно вылизывал языком все тарелки, ложки, вилки и даже сковородки.

На что Дау ему говорил:

– Женька, да ты так здорово лижешь! Твоя посуда чище, чем у всех других.

«– Ты согласился ехать в Дубну, а сам говорил – это территория Боголюбова, и тебе там делать нечего.

– Да, говорил. Это так и есть. Но физики меня давно просили и ждут, а сейчас мне сообщили, что мой приезд необходим, надо спасти Семена.

– Какого Семена?

– Бывшего мужа Элочки. Она забрала сына и ушла к другому, в том же доме, тоже сотруднику Дубны.

– Как, Элка бросила Семена? Но ведь Семен красавец в сравнении с вашей Элкой, он умен, и ты говорил, что он один из плеяды твоих лучших учеников.

– Коруша, в смысле науки новый возлюбленный Элочки не стоит даже следа Семена. Но помни, народная мудрость говорит: “Любовь зла, полюбишь и козла!”. Когда Элла приезжала к нам, я ей неоднократно говорил: “С кем не бывает. Ну влюбилась, ну стали любовниками. А Семен – прекрасный муж, замечательный отец”. Он, бедный, так старался не замечать этого романа, он как культурный человек им не мешал. Семен – мой ученик, ревновать он не имел права. Своим ученикам я всегда стараюсь привить культурные взгляды на любовь, на жизнь. Но жена того, к кому ушла Элочка, застав ее в своей постели, не осознала, что ревность – это один из самых диких предрассудков! Она с младенцем на руках уехала к своим родным в Ленинград. Элочка сразу перешла жить в квартиру нового мужа. Семен живет рядом, и видеть жену и сына с другим ему оказалось не под силу. Мне сейчас сообщили: он запсиховал. Физики боятся самоубийства. Надо съездить, вправить мозги Семену. Решено, завтра еду в Дубну». (Из книги К. Ландау-Дробанцевой «Академик Ландау. Как мы жили»)

Как-то супруга Кора спросила своего Ландау:

– Почему ты пишешь все свои книги с Женькой?

На что тот ответил:

– Понимаешь, когда я диктую свои книги по физике Женьке, он все беспрекословно записывает. Его мозг – это мозг грамотного клерка, к самостоятельному творческому мышлению он не способен. Студентом производил впечатление способного, но дальше время показало, что это пустоцвет! Творческого работника из него не вышло, но он образован, аккуратен, точен и трудолюбив, из него получился соавтор. Вместо зарплаты я дарю ему свои идеи, ему в обществе необходимо иметь свое лицо. Благодаря его помощи я смог создать хорошие книги по физике для потомства. Я пробовал писать свои книги с талантливыми учениками, но

их мозг пытливы, они не в состоянии беспрекословно записывать мои мысли. ...Тратить свое творческое время на писание книг я не могу. Когда устаю думать, зову Женю и диктую ему очередные параграфы. Долго диктовать я не могу, одолевает скука, а ты, Коруша, хорошо знаешь, я это тебе много раз повторял: самый страшный грех – это скучать! Не смейся, вот придет страшный суд, господь бог призовет и спросит: «Почему не пользовался всеми благами жизни? Почему скучал?».

Об этом же друге Конкордия как-то написала в сердцах: «Кроме того, была еще одна неприятность: тот самый Женя, к которому, кроме презрения, нельзя питать иных чувств, женился и нахально поселился у Дау в Москве, в его пятикомнатной квартире. Вместе с женой и домработницей». Далее следует привести короткое описание этой самой пятикомнатной квартиры. Да и вообще – читателю полезно узнать, как жили советские ученые. «Квартиры в так называемом “капичнике” (так Дау называл Институт физпроблем), здание института и личный особняк Капицы были точной копией института Резерфорда в Кембридже. Петр Леонидович Капица приехал работать в Россию и, по его желанию, институт был построен именно так. Все зарубежные физики ахнули, когда Резерфорд свое блестящее по тем временам уникальное оборудование продал Советскому Союзу. Резерфорд отвечал так: “Петр Капица должен продолжать научные изыскания, начатые у меня, ему это оборудование необходимо, он работает на науку”.

Квартиры для сотрудников были отделаны на английский манер. Вход в каждую квартиру отдельный со двора, внизу очень большая гостиная и столовая, из передней полувинтовая лестница наверх – там три спальни». (Из книги К. Ландау-Дробанцевой «Академик Ландау. Как мы жили».)

Ну и еще краткая характеристика этого товарища Лившица, ставшего впоследствии академиком. «Рубашки Женя носил два срока. Когда воротник и манжеты становились грязными, он выворачивал и носил наизнанку, утверждая, что этим он удлиняет их жизнь, считая, что белье в основном изнашивается только в стирке». Думаю, подобная цитата может вызвать здоровый смех.

Коллеги-физики называли Петра Леонидовича Капицу Кентавром, но делали это за глаза. Вспоминая о друге семьи Евгении Лившице, жена Ландау писала:

«Е.М. Лившиц остался при Кентавре, он работает на Кентавра. Ведь Капица только считается редактором журнала “Экспериментальная и теоретическая физика”. Всю редакторскую работу ведет Женя. Это его настоящее призвание, как и роль технического секретаря при Ландау. На этой работе Женке не нужно творчески мыслить, проявлять инициативу, индивидуальность, так необходимые для науки! Полную непригодность к науке Е.М. Лившица Кентавр знает прекрасно, тем не менее, он его в 1979 году протасил в академики, потому что он ему полезен, умеет стоять по стойке “смирно” и, кроме того, надо проучить слишком талантливых, но строптивых теоретиков, таких, как Абрикосов, Халатников и др. В итоге бездарь Женя стал академиком раньше, чем такие таланты, как Грибов, Абрикосов, Халатников, Андреев и др.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.